

УДК 533.9

Особенности бесстолкновительных дрейфовых неустойчивостей в полоидальных магнитных конфигурациях

В. И. Хвесюк, А. Ю. Чирков

Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана, Москва, Россия

Представлены результаты численного анализа бесстолкновительных дрейфовых неустойчивостей применительно к магнитным конфигурациям с чисто полоидальным магнитным полем. Рассмотрены неустойчивости, связанные с градиентами ионной и электронной температур, а также плотности плазмы в широком диапазоне волновых чисел.

Для конфигураций с неоднородным магнитным полем сформулирована электромагнитная модель с учетом конечного давления плазмы и кривизны магнитных силовых линий.

PACS: 52.35.Kt; 52.55.Lf

Ключевые слова: плазма, дрейфовая неустойчивость, магнитная конфигурация, плотность, давление.

Введение

Бесстолкновительные дрейфовые неустойчивости (БДН), вызываемые градиентами температуры ионов, температуры электронов и плотности плазмы, образуют фундаментальный класс явлений, присущих плазме, удерживаемой магнитным полем. Они являются одними из важнейших причин турбулентных транспортных процессов, определяющих удержание частиц и энергии в плазменной конфигурации. Эти неустойчивости хорошо изучены для плазмы в однородном магнитном поле и плазмы токамака [1—7]. Применительно к некоторым магнитным конфигурациям свойства таких неустойчивостей ранее не обсуждались, среди таких систем — обращенная магнитная конфигурация (*FRC*, field reversed configuration), показанная на рис. 1. Наиболее важные особенности *FRC* выражаются в возможности удержания плазмы предельно высокого давления в полоидальном магнитном поле [8, 9].

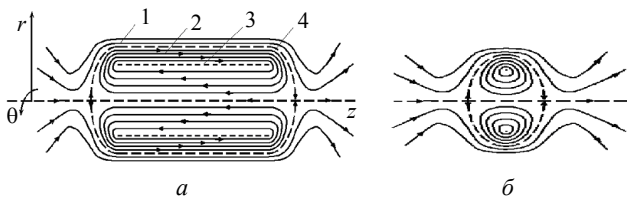

Рис. 1. Схема магнитного поля:

a — вытянутой *FRC*; *b* — сжатой; 1 — область открытых силовых линий; 2 — область замкнутых силовых линий; 3 — область слабого магнитного поля $B \approx 0$; 4 — сепаратриса

Во внутренних областях *FRC* отношение давления плазмы к давлению магнитного поля в плазме

$$\beta = 2\mu_0 p / B^2 > 1,$$

где μ_0 — магнитная постоянная;

p — давление плазмы;

B — индукция магнитного поля в плазме.

Параметр β показывает, что в *FRC* энергия в плазме превышает энергию магнитного поля [8]. Чтобы представить, насколько давление плазмы близко к теоретическому пределу, удобно использовать параметр $\beta_0 = 2\mu_0 p / B_e^2$, где B_e — внешнее магнитное поле (за сепаратрисой). Максимальное значение $\beta_0 = 1$ в *FRC* достигается на оси плазменного витка (см. рис. 1), средние по объему

внутри сепаратрисы значения β_0 могут составлять 0,7—0,9 [8, 9].

Магнитная конфигурация *FRC* сочетает свойства как замкнутых, так и открытых ловушек: плазма практически полностью расположена в области замкнутых силовых линий магнитного поля, ограниченной сепаратрисой; за сепаратрисой находится область открытых силовых линий. Давление плазмы максимально на нейтральной линии, где индукция магнитного поля $B = 0$. Практический интерес к *FRC* и другим системам с $\beta_0 \sim 1$ во многом связан с возможностью их использования для малорадиоактивного реактора на D—³He-топливе.

Одна из наиболее серьезных и малоизученных проблем *FRC* — аномальный транспорт частиц и энергии поперек линий магнитного поля. На данный момент нет однозначного понимания в вопросе о том, какие неустойчивости вызывают аномальный транспорт в *FRC*. В некоторых работах для анализа аномального транспорта рассматривались теории, основанные на дрейфово-диссипативных неустойчивостях [10—12]. Однако, согласно [12], этот тип неустойчивостей не должен развиваться в *FRC*. Большое число теоретических работ было посвящено анализу нижнегибридных дрейфовых неустойчивостей (ДН) в *FRC* [13—15], так как такой тип неустойчивости наблюдался в тэта-пинчах — разрядах, близких по свойствам к *FRC*. Однако ряд экспериментальных данных не подтверждает наличие такого рода неустойчивостей в *FRC* [16, 17]. Достаточно подробные данные о колебаниях в поверхностном слое *FRC*-плазмы можно найти в работе [16], посвященной экспериментам на установке TRX-2. Но на вопрос о типе колебаний, вызывающих транспорт, в указанной работе однозначного ответа не дано. Вопрос о БДН применительно к *FRC* практически не исследовался.

В настоящей работе рассматривается электромагнитная модель ДН плазмы в неоднородном полоидальном магнитном поле. Для сравнения с особенностями электромагнитных ДН рассмотрены простейшие свойства ДН в однородном магнитном поле. Представлены результаты численных расчетов электромагнитной неустойчивости в *FRC*.

Условно можно выделить три типа БДН: ионная температурно-градиентная неустойчивость (*ITG*);

электронная температурно-градиентная неустойчивость (ETG); неустойчивость, вызываемая градиентом плотности, ранее называемая "универсальной".

Характерные значения поперечного волнового числа и инкремента ITG-неустойчивости $k_{\perp} \sim 1/\rho_{Ti}$, $\gamma \sim \omega_{*i}$, где ρ_{Ti} — циклотронный радиус ионов, вычисленный по тепловой скорости; ω_{*i} — частота диамагнитного дрейфа ионов. Для ETG $k_{\perp} \sim 1/\rho_{Te}$, $\gamma \sim \omega_{*e}$, где ρ_{Te} — циклотронный радиус электронов, вычисленный по тепловой скорости; ω_{*e} — частота диамагнитного дрейфа электронов.

Часто при рассмотрении ITG отклик электронов принимается адиабатическим, т. е. $n_e \sim / n_e = e\phi / (k_B T_e)$, где $n_e \sim$ — возмущение концентрации электронов; n_e — невозмущенная концентрация электронов; e — заряд электрона; k_B — постоянная Больцмана; T_e — температура электронов.

Для ETG используется адиабатическое приближение для ионов $n_i \sim / n_i = -q\phi / (k_B T_i)$ ($n_i \sim$ — возмущение концентрации ионов; n_i — невозмущенная концентрация ионов; q — заряд иона; T_i — температура ионов).

Для неустойчивости, вызываемой градиентом плотности при нулевых градиентах T_i и T_e , необходимо учитывать неадиабатичность ионов и электронов [3]. Отметим, что в рамках модели дрейфовых ITG/ETG-неустойчивостей также могут рассматриваться неустойчивости, связанные с наличием запертых частиц.

Характерные значения частот и инкрементов ДН сравнимы с частотами диамагнитного дрейфа электронов или ионов $\omega_{*e} = k_{\perp} \frac{k_B T_e}{e B L_n}$,

$$\omega_{*i} = k_{\perp} \frac{k_B T_i}{q_i B L_n}, \quad L_n = -\frac{n_i}{\nabla_{\perp} n_i} = -\frac{n_e}{\nabla_{\perp} n_e} > 0$$

— характерный масштаб неоднородности плазмы, $\nabla_{\perp}$ — оператор производной в направлении градиентов.

Данные неустойчивости являются низкочастотными, так как для характерных частот выполняются соотношения $|\omega| \ll \omega_{ci}$, где ω_{ci} — ионная циклотронная частота. Длины волн этих неустойчивостей, как правило, много больше дебаевского радиуса, поэтому колебания можно считать квазинейтральными.

В настоящей работе указанные неустойчивости рассматриваются на основе системы уравнений Власова—Максвелла с учетом неадиабатичности возмущенных функций распределения как ионов, так и электронов. Силовые линии полоидального магнитного поля не перекрещиваются, поэтому для анализа неустойчивостей может быть использован локальный подход.

При анализе ДН в FRC необходимо рассматривать полностью электромагнитную систему уравнений, так как давление плазмы предельно высоко ($\beta_0 \sim 1$). Для предварительного анализа ряд общих свойств ДН рассмотрен в рамках электростатического приближения, которое для FRC соответствует условиям на границе плазмы.

Электростатические моды в однородном магнитном поле

Однородное магнитное поле означает, что $\beta = 0$ и нет кривизны. При $\beta \rightarrow 0$ применимо электростатическое приближение, в рамках которого дисперсионное уравнение получается из условия квазинейтральности $\sum_{j=i,e} q_j n_j \sim = 0$. Такое уравнение с учетом неадиабатичности ионов и электронов рассматривалось в работе [18]. Если использовать для $n_i \sim$ и $n_e \sim$ выражения, полученные в [19] с учетом продольных сдвиговых течений ионного и электронного компонентов плазмы, то из условия квазинейтральности следует дисперсионное уравнение

$$\begin{aligned} & 1 + \left[1 - \frac{\omega_{*e}}{\omega} \left(1 - \frac{3}{2} \eta_e \right) \right] \xi_e Z(\xi_e) \Gamma_0(b_e) + \\ & + \frac{\omega_{*e}}{\omega} \frac{L_{ne}}{L_{ue}} \frac{2u_{0||e}}{v_{Te}} \xi_e [1 + \xi_e Z(\xi_e)] \Gamma_0(b_e) - \\ & - \frac{\omega_{*e}}{\omega} \eta_e \xi_e [\xi_e + \xi_e^2 Z(\xi_e)] \Gamma_0(b_e) - \\ & - \frac{\omega_{*e}}{\omega} \eta_e \xi_e Z(\xi_e) \Gamma_0(b_e) - \\ & - \frac{\omega_{*e}}{\omega} \eta_e \xi_e Z(\xi_e) b_e [\Gamma_1(b_e) - \Gamma_0(b_e)] = \\ & = -\tau \left\{ 1 + \left[1 + \frac{\omega_{*i}}{\omega} \left(1 - \frac{3}{2} \eta_i \right) \right] \xi_i Z(\xi_i) \Gamma_0(b_i) - \right. \\ & - \frac{\omega_{*i}}{\omega} \frac{L_{ni}}{L_{ui}} \frac{2u_{0||i}}{v_{Ti}} \xi_i [1 + \xi_i Z(\xi_i)] \Gamma_0(b_i) + \frac{\omega_{*i}}{\omega} \eta_i \xi_i \times \\ & \times [\xi_i + \xi_i^2 Z(\xi_i)] \Gamma_0(b_i) + \frac{\omega_{*i}}{\omega} \eta_i \xi_i Z(\xi_i) \Gamma_0(b_i) + \\ & \left. + \frac{\omega_{*i}}{\omega} \eta_i \xi_i Z(\xi_i) b_i [\Gamma_1(b_i) - \Gamma_0(b_i)] \right\}, \end{aligned} \tag{1}$$

где ω — комплексная частота волны;

$$\tau = T_e / T_i;$$

$$\eta_e = L_n / L_{Te};$$

$$\eta_i = L_n / L_{Ti};$$

$$L_{Te} = -T_e / \nabla_{\perp} T_e;$$

$$L_{Ti} = -T_i / \nabla_{\perp} T_i;$$

$$L_{ui} = -u_{0zi} / \nabla_{\perp} u_{zi}; \quad L_{ue} = -u_{0ze} / \nabla_{\perp} u_{ze};$$

u_{zi} и u_{ze} — скорости течений ионного и электронного компонентов вдоль силовых линий магнитного поля, соответственно;

u_{0zi} и u_{0ze} — значения скоростей на рассматриваемой поверхности;

$$\Gamma_n(b) = I_n(b) \exp(-b);$$

$I_n(b)$ — модифицированные функции Бесселя;

$$b_i = k_{\perp}^2 \rho_{Ti}^2; \quad b_e = k_{\perp}^2 \rho_{Te}^2;$$

$$Z(\xi) = \frac{1}{\sqrt{\pi}} \int_{-\infty}^{\infty} \frac{e^{-u^2}}{u - \xi} du \quad \text{— плазменная дисперсионная функция аргумента } \xi_i = \frac{\omega}{k_{\parallel} \sqrt{2k_B T_i / m_i}} \text{ или}$$

$$\xi_e = \frac{\omega}{k_{\parallel} \sqrt{2k_B T_e / m_e}};$$

$k_{\parallel}$ — продольное волновое число;

m_i и m_e — массы иона и электрона, соответственно.

Отметим, что в данном случае плазменная дисперсионная функция рассчитывалась численно, не прибегая к разложениям в ряды для предельных случаев малых ($|\xi| \ll 1$) и больших ($|\xi| \gg 1$) аргументов.

Как показали расчеты, приближение малых аргументов дает практически приемлемую точность при $|\xi| \ll 0,1$, больших — при $|\xi| > 2$.

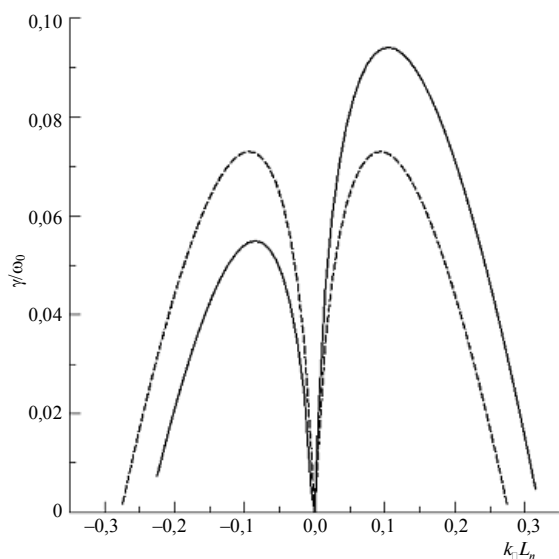
При отсутствии сдвиговых течений дисперсионное уравнение (1) обладает определенной симметрией. Так, например, оно остается неизменным при замене $k_{\parallel}$ на $-k_{\parallel}$. Примеры зависимостей инкремента $\gamma = \text{Im}(\omega)$ и действительной частоты $\omega_R = \text{Re}(\omega)$ приведены на рис. 2.

В качестве масштаба используется величина $\omega_0 = k_B T_i / (e B L_n \rho_{Ti})$. При физически реализуемых значениях параметра сдвига значения инкремента изменяются несильно по сравнению со случаем без сдвига, при этом в одном диапазоне волновых чисел $k_{\parallel}$ инкремент уменьшается, в другом — увеличивается.

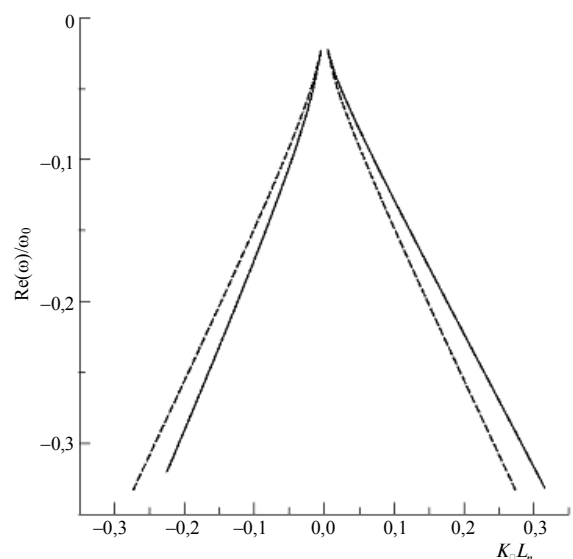
При характерных параметрах *ITG* ($|\omega| \sim \omega_{*i}$, $k_{\perp} \sim 1/\rho_{Ti}$) для электронов $Z(\xi_e) \rightarrow 0$. В *ETG*-пределе $|\omega| \sim \omega_{*e}$, $k_{\perp} \sim 1/\rho_{Te}$ и $Z(\xi_i) \rightarrow 0$. Дисперсионные уравнения, соответствующие двум указанным пределам, и их решения обладают изоморфизмом, который заключается в том, что от *ITG*-решения можно перейти к *ETG*-решению посредством следующих замен: η_i на η_e , τ — на $1/\tau$, ω_R/ω_{*i} — на $-\omega_R/\omega_{*e}$, γ/ω_{*i} — на γ/ω_{*e} , $k_{\perp} \rho_{Ti}$ — на $k_{\perp} \rho_{Te}$.

При $\eta_i \approx \eta_e$ условно можно считать, что область $k_{\perp} \rho_{Ti} \lesssim 1$ соответствует *ITG*-пределу, область $k_{\perp} \rho_{Te} \gtrsim 1$ — *ETG*-пределу.

Так как для *ITG* $\text{Re}(\omega) < 0$, для *ETG* $\text{Re}(\omega) > 0$, то в качестве граничного можно принять значение $k_{\perp}$, в окрестности которого $\text{Re}(\omega)$ меняет знак на противоположный. Положение диапазонов поперечного волнового числа $k_{\perp}$, соответствующих ионной и электронной модам при $\eta_i \approx \eta_e$, исследовалось в специальной серии расчетов. В частности, при $\tau = 1$, $\eta_e = \eta_i = 2$ в диапазоне $k_{\perp} \rho_{Ti} < 6$ решение полного дисперсионного уравнения практически совпадает с решением для ионной моды, в диапазоне $k_{\perp} \rho_{Ti} > 9$ — с решением для электронной моды.

а

б

Рис. 2. Безразмерные:

а — инкремент; б — действительная частота с продольным сдвиговым течением ионов (—) и без течения (- - - -) при $k_{\perp} \rho_{Ti} = 1$, $\eta_i = \eta_e = 2$, $\tau = 1$. Параметр сдвига $(L_n/L_{ui})(2u_{0i}/v_{Ti}) = 0,5$

Отметим важное свойство мод в однородном магнитном поле: $\gamma \rightarrow 0$ при $k_{\parallel} \rightarrow 0$. Неустойчивость может развиваться в диапазоне продольных волновых чисел, ограниченном сверху некоторым значением $k_{\parallel b}$. С другой стороны, продольное волновое число должно удовлетворять условию

$$\frac{k_{\parallel}L}{2\pi} = 0, 1, 2, 3, \dots, \quad (2)$$

где L — длина силовой линии.

Если мода с $k_{\parallel} = 0$ устойчива, то в плазменной конфигурации конечных размеров неустойчивость будет развиваться, если $k_{\parallel b}L_n > 2\pi L_n/L$. В случае, например, открытой ловушки условие (2) следует записывать в виде $k_{\parallel}L/\pi = 1, 2, 3, \dots$, где L — длина плазмы в ловушке, тогда условие стабилизации конечной длиной будет $k_{\parallel b}L_n > \pi L_n/L$. Это же условие следует использовать, если в ловушке с замкнутыми силовыми линиями область неустойчивости ограничена размером L вдоль силовых линий магнитного поля.

Примеры расчета граничного значения безразмерного продольного волнового числа приведены на рис. 3 для условий FRC-экспериментов ($\eta_e \sim 1, \eta_i \ll 1, \tau = 0,1-0,5$). Например, если $2\pi L_n/L = 10$, то для условий рис. 3 реализуется стабилизация всех мод. Ориентируясь на размеры несильно вытянутых FRC, нижнюю границу неустойчивости можно оценить как $2\pi L_n/L \sim 0,3$. На рис. 3 условная нижняя граница показана пунктирной линией, в соответствии с которой неустойчивость может развиваться при $k_{\perp} \rho_{Ti} > 10$.

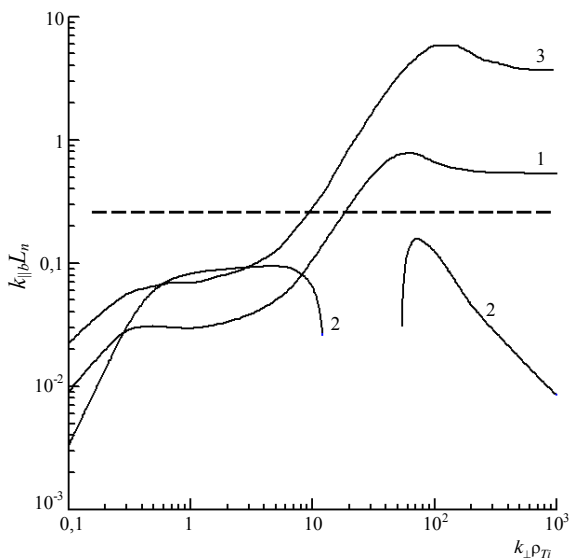

Рис. 3. Граничные значения безразмерного продольного волнового числа $k_{\parallel}L_n$ для мод с различными $k_{\perp}\rho_{Ti}$:
 1 — $\eta_e = 2, \eta_i = 0,1, \tau = 0,5$; 2 — $\eta_e = 1, \eta_i = 0,1, \tau = 0,5$;
 3 — $\eta_e = 2, \eta_i = 0,1, \tau = 0,1$

Электромагнитные дрейфовые неустойчивости при высоких β

Рассмотрим ITG, ETG и неустойчивость, связанную с градиентом плотности плазмы для случая сильно неоднородного магнитного поля (высокие β , кривизна). Используем локальные декартовы координаты: x направлена против градиентов (от центральных областей плазмы к периферии), z — вдоль силовых линий магнитного поля, y — перпендикулярно x и z . Эффекты, связанные с кривизной силовых линий магнитного поля в рамках такого подхода, учитываются в выражениях для скоростей дрейфа частиц в неоднородном магнитном поле.

В общем случае соответствующие исходные уравнения имеют достаточно сложный вид [20—26]. Например, для условий геометрии токамака решение уравнение Власова и дисперсионное уравнение электромагнитных ДН были рассмотрены в [21] с учетом адиабатических инвариантов в тороидальном магнитном поле. Аналогичное дисперсионное уравнение применительно к токамаку рассматривалось также в [22], а соответствующие численные результаты представлены в [27—29] для $\beta_0 \sim 0,03$.

Исходная система уравнений Власова–Максвелла включает линеаризованные уравнения Власова для возмущенных функций распределения частиц каждого сорта, уравнение квазинейтральности и закон Ампера

$$\left[\frac{\partial}{\partial t} + \mathbf{v} \cdot \nabla + \frac{q_j}{m_j} (\mathbf{v} \times \mathbf{B}) \cdot \nabla_{\mathbf{v}} \right] f_{1j} =$$

$$= -\frac{q_j}{m_j} (\mathbf{E}^{\sim} + \mathbf{v} \times \mathbf{B}^{\sim}) \cdot \nabla_{\mathbf{v}} f_{0j},$$

$$\sum_j q_j \int f_{1j} d^3v = 0,$$

$$\nabla \times \mathbf{B}^{\sim} = \mu_0 \sum_j q_j \int \mathbf{v} f_{1j} d^3v,$$

- где $\mathbf{v}$ — скорость частицы (независимая переменная, переменная интегрирования);
- q_j и m_j — заряд и масса частицы сорта j ($j = i, e$);
- f_{1j} — возмущенная часть функции распределения;
- f_{0j} — невозмущенная функция распределения;
- $\mathbf{B}$ — статическое (невозмущенное) магнитное поле в плазме;
- $\mathbf{E}^{\sim}$ — электрическое поле волны;
- $\mathbf{B}^{\sim}$ — магнитное поле волны;
- $\mathbf{k}$ — волновой вектор.

Электромагнитное поле волны будем характеризовать скалярным потенциалом ϕ и векторным — $\mathbf{A}$,

такими, что $\mathbf{E}^{\sim} = -\nabla\varphi - \frac{\partial\mathbf{A}}{\partial t}$, $\mathbf{B}^{\sim} = \nabla \times \mathbf{A}$. Используем кулоновскую калибровку $\nabla \cdot \mathbf{A} = 0$. Тогда с учетом того, что в локальном приближении $\partial/\partial x = 0$ (или $k_x = 0$), запишем $A_y = -k_z A_z / k_y$. Так как для дрейфовых волн $k_z / k_y \ll 1$, то $|A_y| \ll |A_z|$. Поперечная по отношению к внешнему магнитному полю $\mathbf{B}$ составляющая магнитного поля волны $\mathbf{B}_{\perp}^{\sim}$ характеризуется продольной компонентой векторного потенциала $A_{\parallel}$, а продольная $B_{\parallel}^{\sim}$ — поперечной компонентой $A_{\perp} \approx A_x$.

Используем обозначения: $\perp$ — поперечная по отношению к $\mathbf{B}_0$ составляющая вектора; $\parallel$ — продольная составляющая. В указанных обозначениях $k_y = k_{\perp}$, $k_z = k_{\parallel}$.

Примем линейную зависимость невозмущенной функции распределения от координат $f_{0j}(\mathbf{v}, x) = f_{Mj}(\mathbf{v})(1 - \varepsilon_j x)$, где $f_{Mj}(\mathbf{v})$ — максвелловская функция при $x = 0$, $\varepsilon_j = -\frac{1}{f_{0j}} \frac{\partial f_{0j}}{\partial x} \Big|_{x=0}$.

Уравнение Власова решается методом интегрирования по невозмущенным траекториям [30]. После соответствующих преобразований уравнение квазинейтральности и проекции закона Ампера принимают вид [21, 23, 24, 26]

$$\sum_j \int \left[\frac{q_j \Phi}{k_B T_j} f_{Mj} + h_j J_0(\Lambda_j) \right] d^3 v = 0; \quad (3)$$

$$k_{\perp} B_{\parallel}^{\sim} = -\mu_0 \sum_j q_j n_j \int h_j J_1(\Lambda_j) v_{\perp} d^3 v; \quad (4)$$

$$k_{\perp}^2 A_{\parallel} = \mu_0 \sum_j q_j n_j \int h_j J_0(\Lambda_j) v_{\parallel} d^3 v, \quad (5)$$

где $j = i, e$ — сорт частиц;

T_j — температура;

$J_0(\Lambda_j)$, $J_1(\Lambda_j)$ — функции Бесселя аргумента $\Lambda_j = k_{\perp} v_{\perp} / \omega_{cj}$;

$v_{\perp}$ — поперечная компонента скорости частицы;

$v_{\parallel}$ — продольная компонента скорости частицы;

ω_{cj} — циклотронная частота;

$$h_j = \left(\frac{\omega + \bar{\omega}_{*j}}{\omega + \omega_{Dj} - k_{\parallel} v_{\parallel}} \right) \left[(\varphi - v_{\parallel} A_{\parallel}) J_0(\Lambda_j) - \frac{v_{\perp} B_{\parallel}^{\sim}}{k_{\perp}} J_1(\Lambda_j) \right] \times$$

$\times \left(\frac{q_j f_{Mj}}{k_B T_j} \right)$ — неадиабатическая составляющая воз-

мущенной функции распределения;

$\omega_{Dj} = \mathbf{k} \cdot \mathbf{V}_{Dj}$ — дрейфовая частота;

$\mathbf{V}_{Dj}$ — скорость дрейфа частицы, связанного с градиентом магнитного поля и кривизной магнитных силовых линий;

$$\omega_{*j} = \omega_{*j} \times \left[1 + \eta_j \left(\frac{m_j v^2}{2k_B T_j} - \frac{3}{2} \right) \right];$$

$$\omega_{*j} = k_{\perp} \frac{k_B T_j}{q_j B L_{nj}} \quad \text{— частота диамагнитного}$$

дрейфа;

$$\eta_j = L_{nj} / L_{Tj};$$

$$L_{nj} = -n_j / \nabla_{\perp} n_j;$$

$$L_{Tj} = -T_j / \nabla_{\perp} T_j;$$

n_j — невозмущенная концентрация; для ионов $\omega_{*j} > 0$, для электронов $\omega_{*e} < 0$.

В рассматриваемой нами задаче дрейфовая частота может быть записана в виде

$$\omega_{Dj} = \omega_{*j} \frac{m_j}{k_B T_j} \left(\frac{L_{nj}}{R} v_{\parallel}^2 - \frac{L_{nj}}{L_B} \frac{v_{\perp}^2}{2} \right),$$

где $L_B = B_{pl} / \nabla_{\perp} B_{pl}$;

$1/R$ — средняя на траектории частицы кривизна магнитной силовой линии (в общем случае зависит от соотношения между компонентами скорости частицы).

Масштабы градиентов концентрации и магнитной индукции связаны соотношением

$$\frac{1}{L_B} = \sum_j \frac{(1 + \eta_j) \beta_j}{2L_{nj}},$$

где $\beta_j = 2\mu_0 n_j k_B T_j / B^2$ — относительное давление (параметр бета) j -го компонента, вычисленное по локальному значению индукции магнитного поля в плазме B .

Локальные бета могут принимать значения от нуля до бесконечности (в области нулевого магнитного поля). Так как $B = B_e \sqrt{1 - \beta_0}$, величины β и β_0 связаны следующим образом:

$$\beta = \sum_j \beta_j = \frac{\beta_0}{1 - \beta_0}.$$

Из (3)—(5) следует система линейных алгебраических уравнений относительно φ , $B_{\parallel}^{\sim}$ и $A_{\parallel}$. Дисперсионное уравнение представляет собой равенство нулю определителя этой системы.

При умеренных значениях β_0 обычно учитывается только продольная компонента векторного потенциала. В этом случае используется система

уравнений, включающая возмущение функции распределения, уравнение квазинейтральности и параллельную проекцию закона Ампера. На рис. 4 приведено сравнение решения полного электромагнитного дисперсионного уравнения с решениями, полученными с учетом только параллельной проекции закона Ампера и без учета векторного потенциала (электростатический предел). В последнем случае рассматривалось только условие квазинейтральности, но учитывались скорости дрейфа частиц в неоднородном магнитном поле. Также на рис. 4 пунктиром показано решение для случая $\beta_0 = 0$ (магнитное поле однородно). В этом случае результаты трех указанных приближений совпадают. При $\beta_0 = 0,05$ можно видеть

заметное расхождение решений (см. рис. 4). Отметим, что из-за магнитного дрейфа $\gamma \neq 0$ при $k_{||} = 0$, что является существенным отличием от случая электростатических мод в однородном магнитном поле.

На рис. 5 показаны примеры зависимостей инкремента от β_0 . Как можно видеть, характер таких зависимостей неоднозначен и зависит от диапазона $k_{\perp}$. С другой стороны, известно, что в длинноволновом диапазоне при достаточно высоких значениях β_0 инкременты ДН снижаются и возможна стабилизация [5]. Например, в [31] для "универсальной" ДН было определено критическое значение $\beta_{cr} \approx 0,14$, соответствующее стабилизации.

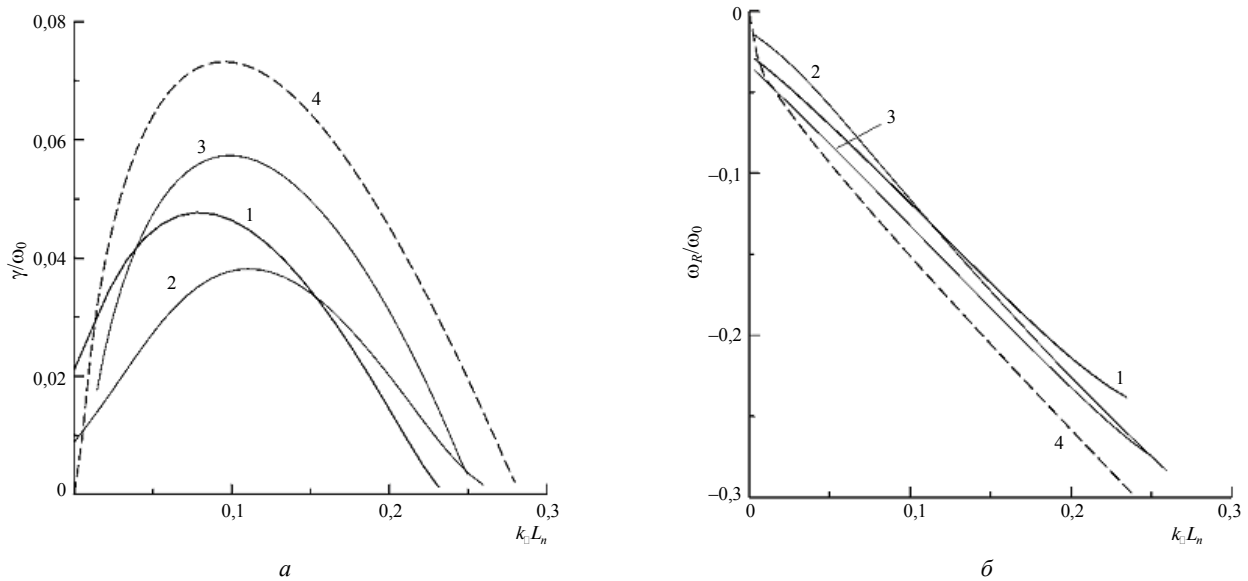

Рис. 4. Инкременты (а) и действительные частоты (б) при $k_{\perp} \rho_{Ti} = 1$; $\tau = 1$; $\eta_i = \eta_e = 2$; $\beta_0 = 0,05$ (1—3) и $\beta_0 = 0$ (4): 1 — решение полного электромагнитного дисперсионного уравнения; 2 — решение редуцированного электромагнитного уравнения; 3 — решение в электростатическом пределе; 4 — при $\beta_0 = 0$ все три решения совпадают

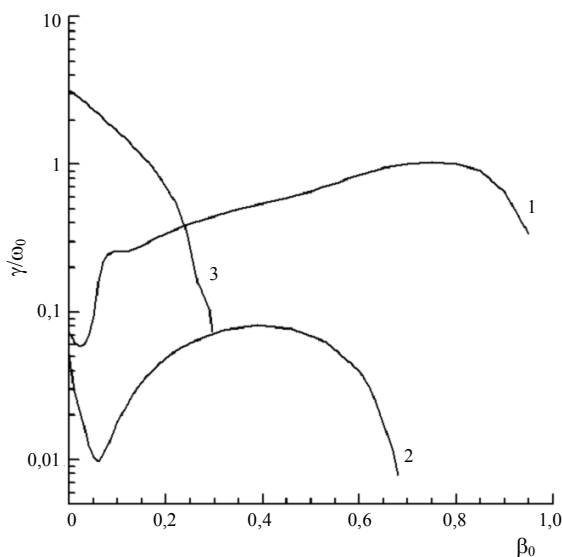

Рис. 5. Инкременты в зависимости от β_0 при $\tau = 1$, $\eta_i = \eta_e = 2$:
 1 — $k_{\perp} \rho_{Ti} = 1$, $k_{||} L_n = 0,1$; 2 — $k_{\perp} \rho_{Ti} = 5$, $k_{||} L_n = 0,07$;
 3 — $k_{\perp} \rho_{Ti} = 43$ ($k_{\perp} \rho_{Te} = 1$), $k_{||} L_n = 0,1$

Дрейфовые неустойчивости в FRC при $\beta_0 \sim 1$

Решения дисперсионного уравнения для электромагнитных мод зависят от следующих независимых параметров: $k_{\parallel}$, $k_{\perp}$, β_0 , L_n/R , η_i , η_e , $\tau = T_e/T_i$. В результате расчетов электромагнитных мод в FRC были установлены существенные отличия в характере зависимости инкремента от указанных параметров в длинноволновом ($k_{\perp}\rho_{Ti} \sim 1$) и коротковолновом ($1/\rho_{Ti} \ll k_{\perp} \lesssim 1/\rho_{Te}$) диапазонах. Для длинноволнового диапазона характерно то, что инкремент слабо изменяется в широком диапазоне $k_{\parallel}$, а максимум инкремента приходится на значения $k_{\parallel}$, близких к нулю. В этом случае условие стабилизации конечной длиной трудно выполнимо, а для оценки характерных инкрементов и частот можно рассматривать моды с $k_{\parallel} = 0$; при $k_{\perp}\rho_{Ti} \gg 1$, напротив, неустойчивость имеет место в ограниченном диапазоне значений $k_{\parallel}$. Причем моды с $k_{\parallel} = 0$ могут быть устойчивыми. В таких случаях условие стабилизации конечной длиной может полностью исключить неустойчивость при тех $k_{\perp}$, при которых моды с $k_{\parallel} = 0$ устойчивы.

Расчеты показали, что при $1/\rho_{Ti} \ll k_{\perp} \lesssim 1/\rho_{Te}$ и $\eta_i \ll 1$ неустойчивость имеет место в достаточно узких диапазонах изменения параметров L_n/R , η_e и τ . Дрейфовую неустойчивость при $k_{\perp} \lesssim 1/\rho_{Ti}$ можно классифицировать как длинноволновую ETG-неустойчивость или LWETG (Long Wave ETG). При характерных для FRC параметрах ($\beta_0 \approx 0,6$; $L_n/R \sim 0,1$; $\eta_e \sim 1$; $\eta_i \sim 0$; $\tau \sim 0,5$) LWETG-моды неустойчивы в диапазоне $k_{\perp}\rho_{Ti} \lesssim 2$, в FRC, видимо, $L_n/R \sim 0,1$. Согласно результатам расчетов такая небольшая кривизна практически не влияет на LWETG-моды. При высоких β_0 рассматриваемая неустойчивость развивается, если $\beta_0 > \beta_{cr}$, где $\beta_{cr} \sim 0,1$ — некоторое критическое значение.

В наших расчетах для $k_{\perp}\rho_{Ti} \lesssim 2$ неустойчивость в FRC была найдена в широких диапазонах параметров β_0 , L_n/R , η_i , η_e , τ . Для $1/\rho_{Ti} \ll k_{\perp} \lesssim 1/\rho_{Te}$ решения для неустойчивых мод были получены только при определенных условиях, которые приблизительно соответствуют условиям в FRC, но при небольших изменениях параметров неустойчивость исчезает. Возможно, ситуация близка к границе устойчивости. Согласно результатам расчетов, характерные параметры LWETG в FRC при высоких β_0 следующие: $k_{\perp}\rho_{Ti} \sim 1$; $\gamma \sim \omega_R \sim \omega_0$.

Проанализируем экспериментальные данные о коротковолновых колебаниях, полученные А. В. Карлсоном на установке TRX-2 [16]. Параметры FRC в указанных экспериментах следующие: температура электронов $T_e = 100$ эВ, ионов $T_i = 150\text{--}400$ эВ,

радиус сепаратрисы $a = 4\text{--}6$ см, длина сепаратрисы $l_s = 40\text{--}80$ см, магнитное поле внешних катушек $B_{ext} = 0,6\text{--}1$ Тл, магнитное поле на сепаратрисе $B_s \approx 0,6B_{ext}$, отношение среднего ионного циклотронного радиуса к масштабу градиента концентрации вблизи сепаратрисы $\rho_{Ti}/L_n = 0,3\text{--}0,8$.

Измерения колебаний проводились в диапазонах волновых чисел $k_{\perp} = 30\text{--}240$ см⁻¹ и частот $\nu = 10\text{--}300$ МГц, в которых, как отмечают авторы, должна существовать нижнегибридная дрейфовая (LHD) неустойчивость.

Максимальный уровень колебаний в экспериментах Карлсона был зафиксирован в частотном канале $\nu = 10\text{--}40$ МГц. Отношение флуктуаций концентрации электронов к концентрации электронов на сепаратрисе в этом канале составляли $\delta n_e/n_e \sim 10^{-4}$. В связи с такими низкими амплитудами Карлсон предположил, что существует механизм стабилизации LHD. В его работе [16] обсуждается несколько возможных механизмов, но какого-либо однозначного вывода на этот счет он не делает. Однако можно утверждать, что в этих экспериментах транспорт не связан с LHD-неустойчивостью или другими неустойчивостями в тех же диапазонах длин волн и частот.

Необходимо обратить внимание на то, что максимум колебаний был зафиксирован в диапазоне частот около нижней границы измерений $\nu = 10$ МГц, а соответствующий сигнал на порядок превышал сигнал во всех каналах с $\nu > 40$ МГц. Можно предположить, что спектр амплитуд имеет спадающий характер, тогда уровень амплитуд колебаний с частотами $\nu < 10$ МГц может достигать $10^{-3}\text{--}10^{-2}$, и транспорт может объясняться колебаниями с относительно низкими частотами.

Для условий экспериментов Карлсона на TRX-2 оценим $v_{Ti} \sim 10^5$ м/с; $\rho_{Ti} \sim 0,5$ см; $L_n \sim 1$ см; скорость диамагнитного дрейфа ионов $v_{*i} \sim 0,5 \cdot 10^5$ м/с; $\omega_0 = v_{*i}/\rho_{Ti} \sim 10^7$ рад/с ($\nu_0 \sim 1$ МГц); $\omega_{ci} \sim 10^8$ рад/с. Тогда диапазону $k_{\perp} = 30\text{--}240$ см⁻¹ соответствуют значения $k_{\perp}\rho_{Ti} \sim 10\text{--}100$ и длины волн $\lambda \lesssim \rho_{Te}$.

В условиях экспериментов на TRX-2 отношения частот $\omega/\omega_{ci} \sim 1$ для рассматриваемых ETG-мод с $k_{\perp}\rho_{Ti} \gg 1$ и $\omega/\omega_{ci} \gg 1$ — для LHD-мод. Поэтому нельзя напрямую сравнить полученные авторами результаты для дрейфовых волн с данными измерений в плазме TRX-2. Относительно волн с $k_{\perp}\rho_{Ti} \gg 1$ в FRC пока можно лишь утверждать, что при $\omega/\omega_{ci} \gg 1$ неустойчивость не была обнаружена экспериментально, а при $\omega/\omega_{ci} \ll 1$ численные расчеты допускают развитие неустойчивости при некоторых сочетаниях параметров. Неустойчивость при $\omega/\omega_{ci} \sim 1$ для FRC, видимо, должна

стать предметом дальнейших исследований. Для качественного анализа транспорта можно рассмотреть результаты, полученные для LWETG-мод.

Заключение

В результате численного анализа были обнаружены некоторые особенности бесстолкновительных дрейфовых неустойчивостей при $\beta_0 \sim 1$. В частности, инкременты температурно-градиентных неустойчивостей (ITG, ETG) при $\beta_0 > 0,1$ увеличиваются. Дальнейшие исследования дрейфовых неустойчивостей в FRC и других магнитных ловушках с $\beta_0 \sim 1$ и полоидальным магнитным полем, на наш взгляд, полезны при моделировании перспективных режимов таких систем и поиске возможностей снижения транспорта. При этом значения характерных длин волн и инкрементов могут быть использованы для оценок транспортных потоков частиц и энергии.

Для обращенной магнитной конфигурации (FRC) были найдены ранее не обсуждаемые неустойчивые дрейфовые моды с $k_{\perp} \sim 1/\rho_{Ti}$ при $\eta_e \sim 1$ и $\eta_i = 0$, которые можно назвать LWETG (длинно-волновые ETG). Их характерные частоты и инкременты $\omega_R \sim \gamma \sim \omega_0 = k_B T_i / (e B L_n \rho_{Ti})$.

На основе данных о параметрах этих мод можно в дальнейшем построить модель транспорта в FRC. Следует отметить, что полученный результат соответствует современным экспериментам на относительно больших установках FRC. Для анализа транспорта в FRC-установках малых размеров, видимо, необходимо рассматривать дрейфовоциклотронные волны. Кроме того, для построения наиболее полной модели транспорта в FRC, вызываемого дрейфовыми неустойчивостями, в рамках сформулированной модели можно проанализировать моды при $\eta_e = \eta_i = 0$ в области $\beta_0 \sim 1$.

Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект 08-08-00459-а) и программы грантов Президента РФ (грант МК-2082.2008.8).

Литература

1. Церковников Ю. А. // ЖЭТФ. 1957. Т. 32. № 1. С. 67—74.
2. Рудаков Л. И., Сагдеев Р. 3. // ДАН СССР. 1961. Т. 138. № 3. С. 581—583.
3. Кадомцев Б. Б., Тимофеев А. В. // Там же. 1962. Т. 146. № 3. С. 581—584.
4. Кролл Н. Дрейфовые волны: В кн. Успехи физики плазмы. Физика высокотемпературной плазмы/ Под ред. А. Саймона и У. Томпсона. — М.: Мир, 1972. С. 112, 213.
5. Михайловский А. Б. Неустойчивости плазмы. — М.: Атомиздат, 1977.
6. Tang W. M. // Nucl. Fusion. 1978. V. 18. P. 1089—1160.
7. Horton W. // Rev. Mod. Phys. 1999. V. 71. P. 735—778.
8. Куртмуллаев Р. Х., Малютин А. И., Семенов В. Н. Компактный тор // Итоги науки и техники. Сер. Физика плазмы. — М.: ВИНТИ, 1985. Т. 7. С. 80—135.
9. Tuszewski M. // Nucl. Fusion. 1988. V. 28. P. 2033—2092.
10. Krall N. A. // Phys. Fluids. 1989. V. B 1. No. 9. P. 1811—1817.
11. Krall N. A. // Ibid. 1987. V. 30. No. 3. P. 878—883.
12. Sobehart J. R., Farengo R. // Ibid. V. B2. No. 12. 1990. P. 3206—3208.
13. Davidson R. C., Krall N. A. // Nucl. Fusion. 1977. V. 17. P. 1313—1371.
14. Krall N. A. // Phys. Fluids. 1989. V. B 1. №11. P. 2213—2216.
15. Huba J. D., Drake J. F., Gladd N. T. // Ibid. 1980. V. 23. No. 3. P. 552—561.
16. Carlson A. W. // Ibid. 1987. V. 30. No. 5. P. 1497—1509.
17. Okada S., Ueki S., Himura H. et al. // Fusion Technol. 1995. V. 27. No. 1T. P. 341—344.
18. Хвезюк В. И., Чирков А. Ю. // Вестник МГТУ. Сер. Естественные науки. 2009. № 1.
19. Artun M., Tang W. M. // Phys. Fluids. 1992. V. B4. P. 1102—1114.
20. Hastings D. E., McCune J. E. // Ibid. 1982. V. 25. P. 509—517.
21. Horton W. // Ibid. 1983. V. 26. P. 1461—1466.
22. Pu Y.-K., Migliuolo S. // Ibid. 1985. V. 28. P. 1722—1726.
23. Aydemir A. Y., Berk H. L., Mirnov V., Pogutse O. P., Rosenbluth M. N. // Ibid. 1987. V. 30. P. 3083—3092.
24. Tsang K. T., Cheng C. Z. // Ibid. 1991. V. B3. P. 688—695.
25. Artun V., Tang W. M. // Phys. Plasmas. 1994. V. 1. P. 2682—2692.
26. Jenko F., Dorland W., Kotschenreuter V., Rogers B. N. // Ibid. 2000. V. 7. P. 1904—1910.
27. Gao Z., Dong J. Q., Liu G. J., Ying C. T. // Ibid. 2001. V. 8. P. 4080—4089.
28. Gao Z., Dong J. Q., Liu G. J., Ying C. T. // Ibid. P. 28232816.
29. Liu S., Kong W., Hu B., Liu F., Dong J., Gao Z. // Ibid. 2009. V. 16. P. 012302.
30. Кролл Н., Трайвелтус А. Основы физики плазмы. — М.: Мир, 1975.
31. Huba J. D., Gary S. P. // Phys. Fluids. 1982. V. 25. P. 1821—1823.

Статья поступила в редакцию 2 июля 2009 г.

Features of collisionless drift instabilities in poloidal magnetic configurations

V. I. Khvesyuk, A. Yu. Chirkov

Bauman Moscow State Technical University, 5, 2-nd Bauman str., 105005, Moscow, Russia
E-mail: alexxeich@mail.ru

Results of the numerical analysis of collisionless drift instabilities with reference to magnetic configurations with a pure poloidal magnetic field are presented. Considered are the instabilities,

---

connected with gradients of ion and electron temperatures, and also density of plasma, in a wide range of wave numbers. Formulated is the electromagnetic model in view of final pressure of plasma and curvature of magnetic power lines for configurations with a non-uniform magnetic field.

PACS: 52.35.Kt; 52.55.Lf

Keywords: plasma, drift instability, magnetic configuration, density, pressure.

Хвесьюк Владимир Иванович, профессор, зав. кафедрой
Чирков Алексей Юрьевич, доцент
105005, Москва, 2-я Бауманская ул., д. 5, МГТУ им. Н. Э. Баумана
Тел. 8-499-263-65-70; E-mail: alexxheich@mail.ru